

JOE
HILL

STRANGE
WEATHER

СТРАННАЯ ПОГОДА

Посвящение
Мистеру Голубому Небосводу —
Айдану Соьеру Кингу.
Люблю тебя, малыш.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК

ГЛАВА 1

Шелли Бьюкс стояла у нижнего края подъездной дорожки, недоверчиво косясь на наше розовое ранчо из песчаника, словно бы никогда его прежде не видела. На ней было пальто, что подошло бы Хамфри Богарту¹, на плече — большая матерчатая сумка, расписанная ананасами и тропическими фруктами. Она вполне могла бы направляться в супермаркет, если бы таковой имелся в шаговой доступности, чего не было. Мне пришлось дважды взглянуть, чтобы понять, что не так в увиденном мною: Шелли забыла обуться, ноги у нее были все измазаны, только что не черные от грязи.

Я сидел в гараже, занимался наукой (так мой отец называл мои всегдашние порывы испортить исправный пылесос или пульт управления телевизором). Поломал я больше, чем построил, хотя мне с успехом удалось подсоединить джойстик от игровой приставки к радио, и я мог скакать со станции на станцию, нажимая пусковую кнопку... капитально идиотский трюк, который тем не менее произвел впечатление на жюри научной ярмарки восьмиклассников, что принесло мне награду (розетку из голубой ленты) за изобретательность.

В то утро, когда Шелли появилась в конце подъездной дорожки, я работал над ружьем для праздничных увеселений. Выглядело

¹ Хамфри Дефорест Богарт (1899—1957) — американский актер, которого Американский институт киноискусства назвал лучшим актером в истории американского кино. Снялся в 75 полнометражных фильмах, в основном в героических ролях. Лауреат премии «Оскар» (1951). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

оно как пускатели смертоносных лучей в научно-фантастических романах эры между Первой и Второй мировыми войнами: большой рупор из помятой латуни с прикладом и спусковым крючком от «люгера» (в общем-то я спаял горн и игрушечное ружье, чтобы создать основу). Все же, если нажать на спуск, то ружье звучало, как клаксон, озаряло светом, как фотовспышка, и устраивало метель из конфетти и бумажных лент. Была у меня идея: если с ружьем получится, мы с отцом могли бы предложить его производителям игрушек, а может, и запатентовать принцип в «Спенсер гифте»¹. Как и большинство подающих надежды инженеров, я оттачивал мастерство на серии младенческих (в основе своей) проказ. В Интернете нет ни одного чувака, который, по крайней мере, не фантазировал о создании рентгеновских очков, чтобы видеть сквозь девчоночьи юбки.

10

Я нацеливал ствол ружья-веселухи на улицу, когда впервые заметил Шелли, прямо у себя на мушке. Опустив свой клоунский мушкетон и прищулив глаза, я оглядел ее. Я видел ее, а она меня нет. Для нее посмотреть в гараж было бы все равно, как пялиться в непроницаемую тьму ствола шахты.

Я собрался было окликнуть Шелли, но потом увидел ее ноги, и воздух комом встал у меня в горле. Не издавая ни звука, я просто немного последил за ней. Она шептала что-то себе под нос.

Обернувшись, Шелли метнула взгляд в сторону, откуда пришла, словно из боязни, что кто-то подглядывает за ней. Только она была на дороге одна — посреди влажной вселенной, все еще прихлопнутой крышкой мрачного от облаков неба. Помню еще, все повытаскивали мешки с мусором наружу, а машины запаздывали, и по всей улице стояла вонь.

Почти сразу я почувствовал: важно не делать ничего для нее тревожного. Никаких явных оснований для осторожности не было, однако множество наших лучших соображений таятся куда как ниже уровня сознательных раздумий и не имеют ничего обще-

¹ Крупная сеть продажи игрушек, сувениров и др. товаров, имеющая более 600 магазинов в США и Канаде.

го со здравомыслием. Мозг обезьяны впитывает массу сведений от таких сигналов, о получении которых мы даже представления не имеем.

Так что, спускаясь по подъездной дорожке, я сунул большие пальцы в карманы и даже не смотрел в сторону Шелли. Щурился на горизонт, словно бы следил за полетом далекого-далекого самолета. Я приближался к ней, как подходят к какой-нибудь хромой бродячей собаке, той, что может лизнуть твою руку с любовной надеждой, а может и наброситься, оскалив полную пасть зубов. Я ничего не говорил, покуда не подошел к ней почти на расстояние вытянутой руки.

— Ой, привет, миссис Бьюкс, — произнес я, делая вид, будто только что ее заметил. — С вами все о'кей?

Она повернула ко мне голову, и на округлом лице тут же появилось выражение приятного добросердечия.

— Ну, у меня как-то все перевернулось! Я прошла аж сюда, но не помню, зачем! Сегодня же не мой день убираться!

Такого я не ожидал.

Давным-давно Шелли мыла, пылесосила и прибирала дом, по четыре часа каждые вторник и пятницу. Она уже и тогда была старенькой, хотя и отличалась проворством и жизненной силой олимпийки-кёрлингистки. По пятницам она оставляла нам прикрытую пищевой пленкой тарелку мягких, словно торт, начиненных финиками печений. Люди, вот это было печенье! Ничего похожего больше нигде не найти, никакие крем-брюле ни в какой гостиничной кондитерской по вкусу и рядом не лежат с печеньем Шелли Бьюкс и чашечкой кофе.

Но к августу 1988 года (мне недели оставались до поступления в школу) почти половина моей жизни прошла с той поры, как Шелли постоянно приходила убираться у нас. Она перестала у нас работать после своего тройного шунтирования в 1982 году, когда врач заявил ей, что она должна на некоторое время дать себе отдохнуть. С тех самых пор она и отдыхает. Я об этом особо никогда не раздумывал, а если бы задумался, то прежде всего задался бы

вопросом, а зачем ей вообще понадобилось работать? Совсем не было похоже на то, что ей нужны были деньги.

— Миссис Бьюкс? Может, вас отец попросил прийти помочь Марии?

Мария — это заменившая Шелли крепкая, не слишком соблазнительная девица двадцати с небольшим лет, всегда готовая громко рассмеяться и обладавшая торсом в форме сердечка, который рисовало воображение, когда и мне пришло время гонять мальчишескую шкурку. Я вообразить себе не мог, с чего это отец мог подумать, что Марии нужна будет помощь. Мы, насколько я знал, гостей не ожидали. Не уверен даже, что у нас вообще бывали гости.

Улыбка ее быстро погасла. Она опять бросила на дорогу тот самый тревожный взгляд через плечо. Когда же вновь обратила лицо ко мне, на нем остался лишь едва заметный след добродушия, глаза же были испуганными.

12

— Не знаю я, браток... это ты мне скажи! Я ванну чистить должна была? Я помню, что в прошлую неделю не добралась до нее, вот она и грязная. — Шелли Бьюкс шарила рукой в своей матерчатой сумке, бормоча под нос. Когда она подняла взгляд, губы ее были расстроено сжаты. — Наплевать. Я вышла из дома и забыла в гребаный туалет зайти.

Меня передернуло, я обалдел бы не больше, если б она распахнула пальто и оказалось, что она голая. Шелли Бьюкс не была воплощением чопорной старой леди (я помню, как она чистила наш дом в футболке с изображением Джона Белуши¹), но я никогда не слышал, чтобы она употребляла слово «гребаный». Даже «наплевать» и то было малость пикантнее ее обычного разговорного меню.

Шелли, не заметив моего удивления, просто продолжила:

— Скажи своему папе, что я приведу ванну в порядок завтра. Мне много времени не потребуется: десять минут — и

¹ Джон Белуши (1949–1982) — американский комедийный актер, сценарист, певец.

она будет сверкать, словно в нее никто никогда свою задницу не макал.

Матерчатая сумка сползла у нее с плеча и раскрылась. Заглянув в нее, я увидел побитого и грязного садового гнома, несколько пустых жестяных банок и один изношенный старый кроссовок.

— Лучше я домой пойду, — произнесла она вдруг, почти машинально. — Африканер будет голову ломать, куда я подевалась.

Африканером был ее муж, Лоуренс Бьюкс, эмигрировавший из Кейптауна еще до моего рождения. В семьдесят лет Ларри Бьюкс был одним из самых красиво сложенных силачей, каких я знал: бывший штангист со скульптурной лепки руками и увитой венами шеей циркового силача. Оставаться громадным было его первоочередной профессиональной обязанностью. Он сделал деньги на сети спортивных залов, которые открыл в семидесятые, точно так же, как намасленная, умопомрачительная туша Арнольда Шварценеггера мышцами проложила себе путь в общественное сознание. Однажды оба они, Ларри и Арни, появились в одном календаре. Ларри был февралем и изгибался на снегу совсем почти голым, только орешки свои уложил в тугий черный гольффик. Арни был июнем и стоял, блистая, на пляже, а на каждой его гигантской ручище сидела девица в бикини.

Шелли метнула последний взгляд через плечо, а потом засеменила прочь... двигаясь в сторону, которая увела бы еще дальше от ее дома. Стоило ей отвернуться от меня, как в тот же миг она обо мне и забыла. Я это видел по тому, как с лица ее сошло всякое выражение. Губы ее зашевелились, поскольку шепотом она задавала вопросы самой себе.

— Шелли! Послушайте, я собирался попросить мистера Бьюкса, не сможет ли... о... — я силился придумать хоть что-то, что мы с Ларри Бьюксом могли бы обсуждать, — ...собирался ли он нанять кого-нибудь поработать с косилкой на газоне! У него есть занятие получше, верно? Не будете возражать, если я с вами пройду до вашего дома? — Я взял ее под локоток и перехватил до того, как она смогла бы оказаться вне досягаемости.

Она вздрогнула при виде меня (будто я мастерски к ней подкрался), потом наделила меня такой бравой, задорной улыбкой:

— Я убеждала этого старика, мол, надо нанять кого-нибудь постричь эту... эту... — Глаза ее затуманились. Она не могла вспомнить, что нужно постричь. Наконец слегка тряхнула головой и продолжила: —...эту штуку, даже и не знаю, как долго. Пойдем обратно со мной. И знаешь что? — Она шлепнула ладошкой по моей руке. — По-моему, у меня есть немного печений, которые тебе нравятся!

Она подмигнула, и на мгновение я был уверен, что она узнает меня и, более того, осознает себя. Шелли Бьюкс на миг вошла в четкий фокус, потом снова ушла в размытость. Я видел, что осознание ускользает от нее, огонек на регуляторе яркости едва теплился.

14

Итак, я повел ее домой. Было нехорошо при мысли о ее босых ногах на горячей дороге. Кругом грязь, да и комары появились. Через некоторое время я заметил яркий румянец на лице и капельки пота на волосках над верхней губой старой леди и подумал, что, может, ей лучше было бы снять пальто. Хотя признаю, что к тому времени мне уже приходило в голову, а вдруг она под ним и вправду голая. Учитывая ее потерю ориентации, я полагал, что исключать такого нельзя. Поборов смущение, я спросил, не позволит ли она мне нести ее пальто. Она быстро дернула головой:

— Не хочу, чтобы меня узнали.

Слова ее были до того изумительной нелепостью, что я на какое-то время забыл, в какой ситуации они были сказаны, и ответил так, будто Шелли по-прежнему была сама собою — разумным существом, обожавшим телевикторину «Рискуй!» и чистившим духовки с почти ожесточенной решимостью.

— Кто? — спросил я.

Она склонилась ко мне и не выговорила, а практически прошипела:

— Человек-Полароид. Этот скользкий гребаный проныра в кабриолете. Он делал снимки, когда поблизости не было Афри-

канера. Не знаю, сколько он наснимал своим фотоаппаратом, но больше ему позволить нельзя. — Шелли схватила меня за руку. Она все еще была полнотела и грудаста, зато рука у нее была костлявая и когтистая, как у старой карги из сказок. — Не позволяй ему фотографировать тебя. Не давай ему забирать вещи с собой.

— Буду держать ухо востро. Слушайте, в самом деле, миссис Бьюкс, у вас вид, будто вы таеете в этом пальто. Давайте я его понесу, а за тем человеком мы будем вместе следить. Вы сможете скоренько пальто накинуть, если увидите его на подходе.

Она отвела голову назад и прищурилась, изучая меня так, как вычитывала бы мелкий шрифт в конце сомнительного контракта. Наконец фыркнула, выбралась из большущего пальто и вручила его мне. Голой она под пальто не ходила, зато оделась в черные гимнастические шорты и футболку, надетую наизнанку и задом наперед, с ярлычком под подбородком. Ноги у нее были узловатыми и ужасающе белыми, икры перебиты варикозными венами. Я сложил пальто, влажное и помятое, перекинул его через руку, взял за руку Шелли, и мы пошли.

Дороги в Золотых Садах — небольшой жилой застройке к северу от Купертино — были проложены в целом как идущие внахлест петли веревки, а не по прямой. На первый взгляд, дома кажутся бессистемным смешением стилей: испанская штукатурка здесь, колониальный кирпич там. Потратив же достаточно времени на шатания по здешним местам, я стал осознавать, что все эти здания более или менее на одну колодку: та же внутренняя планировка, то же количество ванных комнат, тот же стиль окон — только сшиты по-разному.

Дом Бьюксов был псевдовикторианским, но с некоторой выдержанной пляжной темой: морские ракушки обрамляли бетонную тропку, шедшую к ступеням, отбеленная морская звезда висела на входной двери. Может, спортзалы м-ра Бьюкса назывались «Фитнес Нептуна»? «Атлеты Атлантиды»? Или это было из-за дурацкого промаха с техникой фирмы «Наутилус», которой пользовались в хозяйстве? Я уже не помню. Многое из того дня